

РАБОЧИЙ ИЛИ ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ? ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО СВЕРДЛОВСКА 1930–1980-х гг.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Бугров Константин Дмитриевич

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской
Академии наук (620108, Россия, Екате-
ринбург, ул. С. Ковалевской, 16);
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екате-
ринбург, ул. Мира, 19)
[✉ k.d.bugrov@gmail.com](mailto:k.d.bugrov@gmail.com)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

индустриальный город, Свердловск,
Екатеринбург, интеллигенция, рабочий
класс, советский город, урбанизация.

БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено при поддерж-
ке гранта РФФИ и Правительства
Свердловской области № 20-49-660015
«Екатеринбург – Свердловск как ин-
теллектуальный центр России в эпоху
промышленного модерна: вехи ста-
новления (конец XIX – конец XX вв.)».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

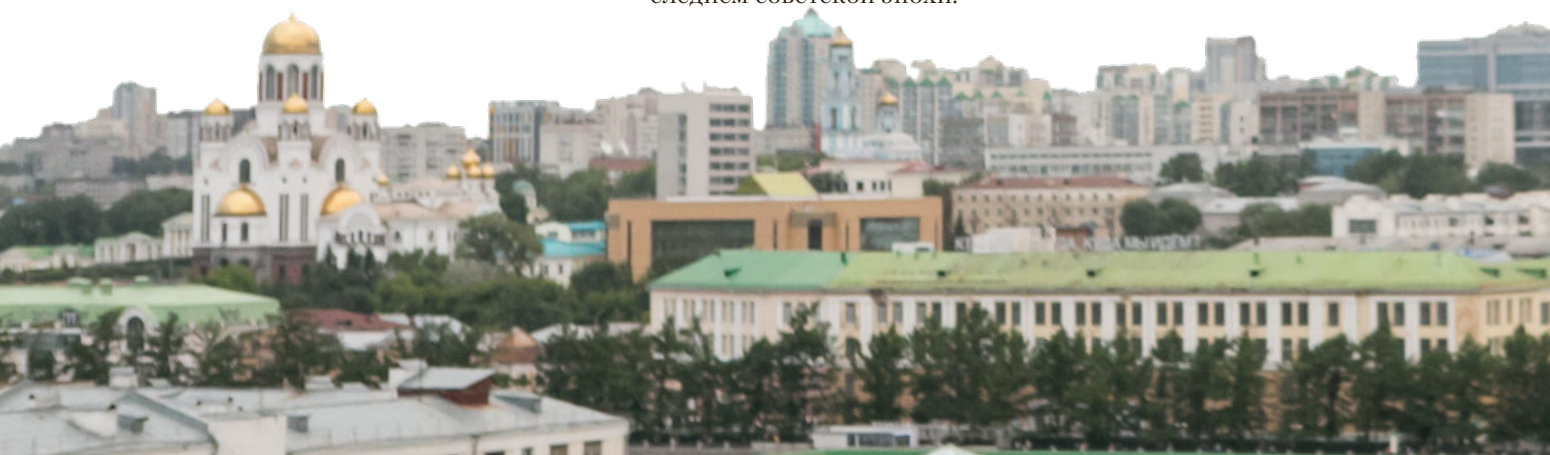
Бугров К.Д. Рабочий или интеллигент-
ский? Основные социально-культур-
ные модели развития советского
Свердловска 1930–1980-х гг. // Муни-
ципалитет: экономика и управление.
2021. № 4. С. 64–77.

АННОТАЦИЯ:

Проблема, рассматриваемая в статье, – специфика развития Екатеринбурга – Свердловска в XX в. как крупнейшего экономического, социального и культурного центра страны. Конкретная задача – анализ социально-культурных моделей развития Свердловска в качестве крупного городского центра советской эпохи. Для решения задачи исследуются социальные акторы и институты Свердловска 1930–1980-х гг., а также создававшиеся их усилиями градостроительные политики, образы города и системы символической репрезентации.

В результате проведенных исследований показано, что на протяжении советской эпохи Свердловск оставался городом баланса двух ведущих социальных групп: рабочего класса (фактически представленного партийно-хозяйственной бюрократией), и интеллигенции. До 1950-х гг. превалировало крупное промышленное строительство, определявшее как географию города (конгломерата рабочих поселков вокруг административно-культурного центра), так и символическую политику доминирования рабочего класса (награждения, названия улиц, литературная политика, изобразительное искусство и фотография). С 1960-х гг. начинается быстрый рост числа интеллигенции. Новый социальный слой был носителем своеобразной «культуры места» (по выражению О. А. Яницкого), предполагавшей больший интерес к историко-краеведческой, экологической, досуговой проблематике. Возникают новые районы города, не связанные с индустриальными предприятиями.

Однако, несмотря на декларированную Генеральным планом реконструкции и развития Свердловска на 1970–2000 гг. трансформацию города из рабочего центра в центр науки, культуры и высокотехнологичного производства, рабочий класс продолжал сохранять доминирующие позиции вплоть до конца советской эпохи, а новая строительная программа научно-культурного профиля так и не была в полной мере осуществлена. Тем не менее, сегодняшняя география Свердловска продолжает в значительной степени определяться наследием советской эпохи.

Зодчие профиля

Современный Екатеринбург является одним из наиболее значимых мегаполисов России в социальном, культурном, и экономическом отношении. Хотя этот статус часто постулируется априори, он все же сложился исторически на протяжении XX в. под влиянием ряда существенных факторов. По данной причине чрезвычайный научный интерес представляет анализ исторической траектории формирования культурного профиля современного Екатеринбурга, сложных процессов изменения социальной ткани города в специфических условиях советского градостроения.

Феноменальная специфика урбанизации

Специфика урбанизации и роста городов в СССР является актуальной проблемой для науки; достаточно назвать труды таких исследователей, как А. Г. Вишневский, В. Л. Глазычев, О. В. Горбачев, Н. В. Зубаревич, М. Г. Меерович, А. Ю. Ким, Л. Б. Коган, И. Н. Кравченко, Ю. Л. Пивоваров, П. М. Полян, К. А. Свечникова, А. С. Сениянский, А. И. Тревиш и других специалистов. Чаще всего развитие городов в Советском Союзе характеризуют как специфический вариант глобального феномена урбанизаций, причем оценки сильно варьируются. Некоторые исследователи вовсе счи-

тают советскую урбанизацию «провальной»: здесь наиболее бескомпромиссную позицию занимал М. Г. Меерович, рассматривавший развитие городов в СССР как всецело подчиненное директивам центра, интересовавшегося одним – наращиванием выпуска вооружений [1]. Другие оценки не столь безапелляционны. Так, Л. Б. Коган рассматривает город как центр цивилизации, противостоящей неразвитой «руральной среде», чреватой «дремлющей агрессивной этноса» и «рудиментами общинно-родовых отношений»; на этих основаниях исследователь считает советский город недостаточно развитым по сравнению с «европейским городом» [2, с. 5].

Равным образом В. Л. Глазычев подчеркивает специфику советского города, указы-

вая на отсутствие городского самоуправления и слаборазвитую торговлю: «В случае крупных и крупнейших городов Советского Союза мы имели дело хотя бы с многообразием форм образовательной и культурной деятельности, но никак не с многообразием форм услуг» [3, с. 27]. Сходного мнения придерживается и Ю. Л. Пивоваров [4]. Думается, однако, что анализ советского города в столь широких категориях не является продуктивным. Даже если признать постулат о девиантном характере развития «советского города» по отношению к абстрактному «европейскому городу» корректным (пусть, по нашему мнению, он корректным и не является), такое признание мало что даст для проведения содержательного анализа, подменяя уничижительным штампом изучение по существу. А. С. Сениянский обращает внимание на социальную специфику развития советского города, подчеркивая, что советская власть развивала модернизацию страны «опираясь не на „высшие“ сословия, а на низшие категории населения, являвшиеся подавляющим большинством народа – рабочий класс (поначалу немногочисленный) и крестьянство», получив «неисчерпаемый социальный резерв, открыв шлюзы для массовой социальной мобильности: для перемещений из сел в города, продвижения негра-

© Фото:
Максим Субботин

мотных и неквалифицированных масс в образованные кадры, из крестьян – в городские рабочие, из тех и других – в управленцы, из трудящихся всех слоев – в новую рабоче-крестьянскую интеллигенцию» [5, с. 148]. Следует согласиться с О. В. Горбачевым, который подчеркивает разнообразие моделей урбанизации в СССР в зависимости от региона [6, с. 64].

Две группы горожан

Настоящая работа посвящена анализу и сравнению социально-культурных моделей развития Свердловска в качестве крупного городского центра советской эпохи. Как выявить такие стратегии развития? Мы уже отметили непродуктивность трактовки всего процесса урбанизации в СССР как жестко централизованного процесса: формально зарегулированный процесс на местах превращался в хаотичное строительство, открывав-

шее массу возможностей для конкретных социальных групп для того, чтобы преследовать собственные цели – разумеется, в рамках господствующей стратегии. Как выделить такие группы? Возможны разные наборы критериев, однако для целей настоящей работы, претендующей на обобщающий обзор широкого хронологического охвата, мы используем наиболее общий критерий и свяжем выработку таких стратегий с наиболее крупными социальными группами советских горожан – рабочим классом и интеллигенцией.

Оба эти понятия могут трактоваться по-разному. Мы трактуем их в институционально-организационном ключе. Под рабочим классом понимается совокупность рядовых работников промышленности и транспорта. Интеллигенция включает работников научно-исследовательской и образовательной сферы, а также здравоохранения и культуры.

Две эти крупные социальные группы не являются жестко ограниченными друг от друга: обширный слой инженерно-технического персонала предприятий может считаться принадлежащим к интеллигенции, однако организационно связан с рабочим классом; в свою очередь, научные и образовательные учреждения имели собственный слой рабочего класса, начиная с наиболее квалифицированного слоя рабочих опытных предприятий и заканчивая вахтерами и кочегарами. Некоторые ученые, говоря об интеллигенции, приписывают этому социальному слою особые качества, например, «рефлексивность», способность «конструировать новые смыслы», «литературоцентричность» [7, с. 252–253]. Иногда, как во влиятельной работе Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, эти особые качества опровергаются как «иллюзии», после чего советская интеллигенция аттестуется как «массовая бюрократия подсистем воспроизводства рутинизирующегося постреволюционного тоталитарного общества» [8, с. 3].

Молот и циркуль

Предлагаемое нами различение рабочего класса и интеллигенции не предполагает априорного приписывания этим социальным группам каких-либо качеств – позитивных или негативных. Рабочий класс и интеллигенция в данном контексте различаются не абстрактным уровнем «рефлексивности» или «культурности» (легко можно себе представить квалифицированного рабочего, интенсивно потребляющего культурные услуги, и, напротив, «малокультурного» научного сотрудника), а характером иерархической связи, существующей в тех организациях, где они по преимуществу заняты. Рабочий класс, занятый на промышленных производствах, трудится в условиях жесткой

Сквер у ремонтно-механического цеха Уралмашзавода.

производственной иерархии, основанной на инструкциях и регламентах (их зримое воплощение – плакаты, напоминающие о правилах безопасности), тогда как в учреждениях интеллигенции иерархия является иной – горизонтальной или сетевой: задача работников интеллектуального труда не только следовать инструкциям, но и вырабатывать новые пути решения тех или иных проблем и, главное, убеждать в их истинности и действенности других.

Конечно, данные социальные группы сами не являлись акторами – действующими лицами – городской политики. Такими акторами являлись конкретные группы индивидов, объединенные в рамках формальных или неформальных институтов. От имени рабочего класса действовала, как правило, могущественная партийно-хозяйственная бюрократия, фактически управлявшая страной и формировавшая как руководящий состав предприятий, так и слой ответственных работников городской власти: городские и районные партийные органы и исполнительные комитеты, дирекции заводов, профсоюзное и партийное начальство предприятий.

Бюрократия постоянно прибегала к помощи различных групп интеллигенции, осуществлявшей деятельность в таких сферах, как научно-конструкторская работа, литературно-художественное творчество (включая пропаганду и СМИ), образование, медицина, культурная работа; обширный слой студенчества выступал ближайшим резервом для этих групп. Организующие институты и здесь были весьма различны: научные институты, образовательные учреждения и учреждения здравоохранения, редакции журналов, литературные объединения. Взаимоотношения двух этих групп оставались сложными: бюрократия, выступавшая от лица рабочего класса, была

тесно связана с интеллигенцией, а сама интеллигенция в значительной мере комплектовалась из рядов рабочего класса.

Культбиты семантики

Акцентируя культурную составляющую проблематики, мы имеем в виду, что нас волнует не столько изучение демографических реалий города, сколько изучение ключевых стратегий его развития и различных публичных эффектов таких стратегий (география, градостроение и архитектура, публицистика и литература, изобразительное искусство и фотография). Мы солидарны с С. В. Мельниковой и О. С. Поршневой, которые подчеркивают значимость изучения образов города «в зависимости от смены социального смыслового поля» и выделяют восемь исторических этапов развития этого образа: завод-крепость, горный город, «столица Урала», «соцгород», город-завод (в годы Великой Отечественной войны), крупный индустриальный центр, «третья столица России», «торговый центр».

Ученые отмечают, что одни и те же объекты могут толковаться по-разному в зависимости от того, какой образ определяет восприятие: «В Свердловске-индустриальном и театр оперы и балета будет видаться как площадка для развития художественного вкуса рабочих и инженеров, а в Екатеринбургском торговом пространстве завода „Уралмаш“ используется как огромная площадь, которую можно сдавать, получая доход. Таким образом, одни и те же физические объекты меняют свое

семантическое значение в различных исторических и социокультурных контекстах. Но при этом представление об индустриальном наследии и роли города как „опорного пункта“ в создании оборонной мощи державы сохраняется» [9, с. 169]. В конечном счете, как подчеркивает авторитетный географ Д. Харви, идея об «универсальном» языке пространства, «независимом от практических действий и исторических акторов, должна быть отвергнута» [10, с. 184]. Разумеется, образ города не является сугубо произвольным конструированием, он «представляет собой продукт дискурсивной, символической переработки тех объективных условий, которые присутствуют или связаны с городом» [11, с. 223].

Предмет этой статьи – внутреннее разнообразие доминирующего образа Свердловска-индустриального, определявшего восприятие города в советское время, но при этом воплощавшегося в двух вариантах – рабочем и интеллигентском.

Цель статьи – выявить ключевые социально-культурные модели Свердловска, реализовавшиеся в советскую эпоху, их специфику и направленность, проследить их историческую динамику, оценить их влияние на формирование современного городского пространства и среды. Методологически работа опирается на признание специфики советской урбанизации, вытекающее из ее своеобразной социальной основы, и на выделение базовых социальных групп, влиявших на выработку стратегий городской политики, – рабочий класс и интеллигенцию.

Основа труда рабочего – инструкции и регламенты, а интеллигента – широкие сетевые связи

От имени рабочих «хозяином» Свердловска выступала бюрократия, состоявшая из интеллигенции

История с географией

До революции 1917 г. городскую политику в Екатеринбурге и вообще облик города определяла предпринимательская элита и тесно связанная с ней земская интеллигенция (врачи, юристы, инженеры). В начале 1920-х, в эпоху нэпа, социальная картина поменялась: предпринимательская элита покинула город, бывшие престижные районы превратились в зоны размещения общежитий (в частности, в купеческих домах на улице Чапаева помещались теперь общежития Уральского университета). Относительно немногочисленная интеллигенция 1920-х гг. расселялась в старом центре города в деревянных кооперативных поселках [12]. Однако уже в конце 1920-х облик города начал меняться в связи со стартом форсированной индустриализации. Как подчеркивают Г. М. Лаппо и П. М. Полян, «главным фактором советской урбанизации выступила промышленность, преимущественно тяжелая», причем зачастую на индустриальной базе появлялись «научные учреждения, проектно-конструкторские бюро, учебные заведения, театры, дома культуры, музеи, библиотеки, поскольку развитие социальной сферы и жилищно-коммунальное строительство финансировалось через промышленные предприятия» [13, с. 36]. Строительство заводов-гигантов, частью выстроенных либо реконструированных в довоенный период, частью переброшенных в Свердловск во время Великой Отечественной войны, изменило социально-экономическую географию города.

Производные производства

Как мы уже отметили выше, рабочий класс в Свердловске, как и в других советских городах, не являлся, строго говоря, «хозяином» города, ведь от его имени властвовала бюрократия, частью сформировавшаяся из бывших профессиональных революционеров, частью – из новой интеллигенции, выдвинувшейся по производственной линии. Однако в символическом плане эта бюрократия демонстративно подчеркивала центральное положение рабочих. Так, в центре внимания всех городских средств массовой информации был производственный процесс и жизнь трудовых коллективов. Счет сочинений, призванных тиражировать производственный опыт, шел на десятки. Даже описание Свердловска, как правило, начинались с характеристики городской промышленности. К примеру, в книге для чтения 1940 г. практически все описание Свердловска све-

лось к характеристике Уралмаша: «Орджоникидзевский район Свердловска, в котором живет около 60 тысяч машиностроителей, литейщиков, кузнецов, инженерно-технических работников Уральского завода тяжелого машиностроения, становится самым благоустроенным районом города. Он вымощен брусчаткой и залит асфальтом. Здесь построены стадион, цирк, прекрасные, благоустроенные дома для рабочих, разбиты газоны» [14, с. 219]. По обычной мерке урбанизации поселок Уралмаша должен был бы быть городской окраиной, культурно подчиненной центру города, однако уралмашевская печать со времен Авербаха деятельно создавала образ идеального рабочего поселка [15], а партийно-хозяйственная бюрократия подкрепляла этот образ соответствующими вложениями. Символическая роль Уралмаша в репрезентации Свердловска была огромной. Так, в объективе фотоаппаратов неизменно оказывалась площадь 1-й Пятилетки, ведущая к проходным Уралмаша. Именно на этой площади (а не в центральной части города) проходили встречи со свердловчанами высоких зарубежных гостей; сам гигант машиностроения был неизменным пунктом на пути любых иностранных делегаций, посещавших город [16].

Здание Уральского научно-исследовательского химического института (УНИХИМ).

Визит кубанского лидера **Фиделя Кастро** в Екатеринбург (1948 г.). Маршрут гостя пролегал через площадь Первой Пятилетки, которая превратилась по сути в людской коридор.

Премьер-министр Индии **Джавахарлал Неру** вместе со своей дочерью **Индирой Ганди** посещают «Уралмашзавод» (1955 г.).

Престиж окраин

Эти декларации вовсе не были пустым звуком: по ряду параметров городского благоустройства советский Уралмаш действительно превосходил центральную часть города. И в других районах, где размещались крупнейшие предприятия, складываются собственные общественные центры. Так, на площади Субботников разместились дворец культуры и спортивный комплекс Верх-Исетского металлургического завода, неподалеку от площади – пляж и лодочная станция ВИЗа.

Обширные мощности социальной инфраструктуры на севере Свердловска создал машиностроительный завод имени Калинина, построивший дворец культуры и крупнейший на Среднем Урале спортивный комплекс «Калиинец». Центром удаленного от города поселка Уралхиммаша был Комсомольский сквер у заводских проходных, к северу от завода был расположен собственный парк отдыха. В 1967 г. в западной части поселка, близ въезда в него, появился новый культурный центр – дворец культуры и кинотеатр «Экран». Северная часть района Втузгородок, образованного в 1930-х гг. строительством комплекса Уральского политехниче-

ского института, фактически оказалась городком Уральского электромеханического завода («Три тройки»), на перекрестке улиц Студенческой и Коммуновской образовался новый общественный центр, включавший спортивно-культурный центр и медицинский комплекс.

В южной части города собственный общественно-культурный комплекс сформировал завод резиновых технических изделий: в 1950-х гг. на переулке Рижском была построена больница, а в конце 1970-х гг. заработал крупный дворец культуры. Наконец, на дальнем северо-западе Свердловска, при крупной железнодорожной станции «Свердловск-Сортировочный», сложился собственный поселок. Разумеется, не каждое предприятие было способно оказывать такое влияние на развитие города; подобный эффект оказывал десяток наиболее мощных заводов.

В архитектурно-градостроительном смысле на протяжении 1930–1940-х гг. для репрезентации Свердловска использовались, наряду с фотографиями центральной части города, фотографии соцгорода Уралмаш. С конца 1930-х гг. присутствие индустриальной тематики в репрезентации городов СССР на-

чинает ослабевать; на первый план выходят изображения общегородских административных и культурных зданий, памятников, парков. Например, Пермь в визуальной репрезентации 1950–1970-х гг. представляет вовсе не промышленным мегаполисом, а «дворцовым ансамблем» парадной архитектуры, утопающей в садах [17, с. 204–206]. Подобные эффекты наблюдаются и в Свердловске, где в 1950-х гг. складывается визуальный канон городской репрезентации: здание горсовета на площади 1905 года, памятник Я. М. Свердлову, главный учебный корпус УПИ и другие центральные здания. Однако в общем массиве визуальных материалов о Свердловске промышленная тематика продолжала доминировать. Чрезвычайно интересны изыскания А. И. Дмитриевой, изучившей крупный массив архивных фотографий города за 1930–1970-е гг. и показавшей, что из 9 791 рассмотренной фотографии индустриальную тему раскрывают 816; это одна из трех доминирующих тематик наряду с городскими событиями (950 ф.) и отдельными архитектурными объектами (802 ф.) [18, с. 95]. Кроме того, Уралмаш оставался в центре внимания художников [19].

Пройдусь по Фрезеровщикам...

Символическая городская политика была ориентирована на рабочий класс. Среди 36 почетных граждан Свердловска, получивших это звание в период с 1966 по 1987 г., было 13 рабочих, 8 представителей интеллигенции (ученые, врачи, учителя, деятели культуры), 4 спортсмена, 3 производственных руководителя и инженера. Политика награждений высшим в СССР званием Героя Социалистического Труда тоже была в пользу рабочих: на 40 рабочих свердловских заводов, награжденных высоким званием, приходилось 15 руководителей предприятий и 10 представителей интеллигенции (ученых, инженеров).

Как правило, на выборах в Верховный Совет СССР от Свердловской области доминировали две группы: рабочие и представители партийно-хозяйственной бюрократии, представлявшие, по существу, одну и ту же промышленную сферу. Наконец, рабочий характер города был демонстративно зафиксирован в названиях улиц: «101 улица города названа в честь мастеров, рабочих: Инструментальщиков, Фрезеровщиков, Токарей, Сварщиков, Станочников, Стрелочников, Литейщиков, Мастеров и т. д. Из 40 крупных улиц, названных именами выдающихся личностей, 13 носят имена рабочих заводов (Большакова, Колмогорова, Воеводина, Крауля, Махнева, Ляпустина)» [20, с. 69]. Справочное издание «Свердловск за годы 9-й пятилетки» резюмировало: «Гордость современного Свердловска – его индустрия» [21, с. 5].

Знания в моде

С конца 1950-х гг. социальный облик города меняется. Эти изменения следуют в общем русле развития СССР: за период с 1939 по 1959 г. численность населения,

Мозаика около проходных завода «Уралэлектротяжмаш».

имеющего законченное высшее образование, выросла втрое (с 1,2 до 3,8 миллионов человек), в течение десятилетия с 1959 по 1970 г. увеличилась вдвое, достигнув цифры в 8,3 миллиона человек [22]. Свердловск, будучи ведущим административным, промышленным и научно-образовательным центром огромного Уральского региона, был в авангарде этого процесса. Стремительно развивался городской сектор образования: к 1970-м гг. в Свердловске учащиеся вузов и техникумов формировали около 10 % населения города. Выросло число вузов и вузовских преподавателей в целом: были образованы Уральский железнодорожный институт (1956),

Свердловский архитектурный институт (1967), Свердловский институт народного хозяйства (1967), Свердловский инженерно-педагогический институт (1979), а также крупный Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей общественных наук УрГУ (1967).

К концу 1970-х гг. вузовская сеть города выросла вдвое по сравнению с периодом 1930-х – начала 1950-х гг. Существенно усилились позиции академической науки: в 1950-х гг. довольно скромный по своим материальным возможностям Уральский филиал АН СССР был реорганизован в более мощный Уральский научный центр; исходный план реорганизации был

даже более амбициозным и предполагал слияние в рамках гигантского регионального центра также вузов и отраслевых институтов [23, с. 149]. Растет и масштаб отраслевых НИИ; крупнейшие из них в 1980-х гг. дают работу полутора-двум тысячам человек. На 1973 г. в Свердловске насчитывалось 120 научно-исследовательских, проектных, конструкторских и технологических институтов и организаций; численность работников научных и высших учебных заведений составила ок. 48 000 человек, в вузах обучалось около 43 000 студентов на дневной форме обучения; кроме того, в городе работали около 6 400 врачей и 7 800 учителей школ и преподавателей техникумов [21, с. 51–52]. Общую численность лиц, непосредственно связанных с наукой, образованием и здравоохранением (считая студентов), таким образом, можно оценить примерно в 100 000 человек или 10 % от населения города в 1973 г. Внутри самого города происходил своеобразный социальный переток, связанный с тем, что дети рабочих, получая высшее образование (в 1970-х гг. численность студентов из семей рабочих и из семей служащих была практически равной – по 49% на каждую группу), становились интеллигенцией; обрат-

ный процесс практически не происходил.

Культура места

На этой социальной базе возникла в 1960-х гг. – по выражению О. Н. Яницкого – своеобразная «культура места», «культура ожидания и больших надежд на спокойную мирную жизнь», враждебная индустриальной гигантомании. Ее социальными носителями выступали две группы: «Интеллигенция (ученые, люди творческих профессий) и местное население, теперь уже достаточно образованное (по меркам того времени это был советский средний класс), сытые по горло партийно-комсомольскими мобилизациями и желавшие жить нормальной, устоявшейся и предсказуемой жизнью» [24, с. 147].

Развитие такой «культуры места» поддерживалось возникшими с конца 1950-х гг. в свердловских науке и образовании направлениями исследований, не связанными напрямую с конкретными отраслями промышленности: социологией (СИНХ, Уральский научный центр АН СССР), городской экономикой (СИНХ, Уральский научный центр АН СССР), урбанистикой (САИ), а также целым блоком изысканий по истории и

культуре края (УрГУ, САИ). Одна из главных составляющих такой культурной трансформации – рост интереса к историко-культурному наследию города, представленному теперь не в форме «истории заводов и фабрик» (как ее предлагали писать в 1930-е гг. такие литераторы, как Авербах, презентуя до-революционные события, – телеологически ведущую к революции последовательность борьбы).

В изменении отношения общественности к исторической архитектуре ключевую роль играл архитектор Н. С. Алферов, издавший труд «Зодчие старого Урала» (1960). В 1960-е гг. Алферов и его коллеги из Свердловского архитектурного института развернули целую программу по изучению старинных заводов XVIII – начала XIX вв. как эстетически ценных объектов, одновременно обладающих исторической ценностью, а также по выработке рекомендаций их ревитализации и включения в актуальную социальную политику в качестве музеев.

На базе этой программы разворачивается не имевшее в СССР прецедентов культурное строительство в центре города – создание на территории старого завода Исторического сквера.

Динамика численности различных категорий работников в Свердловске (1970–1980 гг.) (тыс. чел.)

Источники: 1) Свердловск за годы 9-й пятилетки (1973–1976). Свердловск, 1974; 2) Свердловск. 1976–1980 гг. Свердловск, 1980. Для категории «Научные работники» за 1976–1980 гг. использована экстраполяция темпов роста, имевшихся в 1971–1974 гг. По категории «Врачи» за 1976–1980 гг. значение рассчитано в пропорции от числа поликлиник за тот же период.

Интеллигенция на марше

Идея развернуть вдоль реки Исети каскад скверов (проявление характерной для сталинской эпохи тяги планировщиков к речным пространствам) появилась в 1940-х гг., однако она тогда не предполагала сохранения исторической среды. Поэтому первоначально старые корпуса Екатеринбургского завода планировали снести полностью. Под давлением общественности с 1964 г. проект пересматривался, и к 1972 г. появился Исторический сквер, сохранивший часть старых построек. На этой базе предполагалось создать крупнейший в Свердловске музейный центр. С 1960-х гг. важным центром интеграции свердловской интеллигенции становится местное отделение ВООПИК [25].

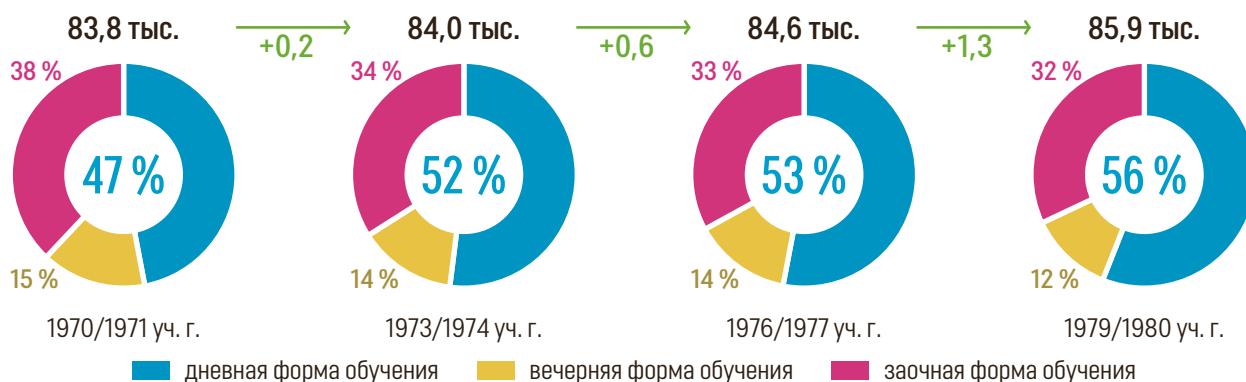
Крупные исследования проводились и в области изучения фольклора, топонимики, археографии, литературы, истории искусств Урала; с этими изысканиями связаны такие ученые, как И. А. Дергачев, В. П. Кругляшова, А. К. Матвеев, Б. В. Павловский, Р. Г. Пихоя. В 1983 г. была принята комплексная программа «Духовная культура Урала», в которой деятельно участвовали ведущие специалисты из Свердловска и Перми. Другой составляющей преобразования культурного ландшафта Свердловска 1950–1980-х гг. – рост

интереса к экологии. О. А. Яницкий выделяет несколько составляющих такого роста, который громко заявил о себе уже в 1958 г. систематическими протестами против строительства целлюлозного комбината на Байкале: сетевой характер научных организаций, не предполагавший жесткой иерархии, развитие жилищного строительства, приведшего к активному включению советских граждан в борьбу за обустройство своих улиц и дворов, и массовое студенческое движение, приведшее к появлению многочисленных студенческих дружин охраны природы, к 1980-м гг. переросшими патронаж со стороны ВЛКСМ и превратившихся в «серьезную социальную силу» [26, с. 16]. Важнейшими фигурами в развитии интереса к экологии в Свердловске стали влиятельные местные интеллектуалы, ученые, такие как популяционный эколог С. С. Шварц, лесовед Б. П. Колесников, писатель и фотограф Б. П. Рябинин; в 1977 г. свет увидела книга «Диалоги о природе», построенная в форме бесед этих трех «природолюбов» и вызвавшая огромный резонанс.

Заводы, НИИ и КБ

Соответствуя этим крупным изменениям в социальной структуре, менялся и городской ландшафт. В нем появляются высотные здания НИИ и заводских кон-

структорских бюро, тем более заметные на фоне того, что в советских городах отсутствовали высотные сооружения деловых и офисных центров. Среди наиболее эффектных доминант Свердловска, города с преобладанием пяти- и семиэтажных домов в период 1960–1980-х гг., следует назвать инженерные корпуса НПО автоматики и Уральского оптико-механического завода, здания институтов Уралгипротяжмаш и НИИ горного дела. Сами заводы-гиганты теперь создают в своей структуре научные институты: рядом с заводоуправлением Уралмаша разместились в отдельном здании НИИтяжмаш, на южной границе промышленной зоны Уралэлектротяжмаша выстроено огромное здание НИИ высоковольтной аппаратуры (его залы запечатлены в фильме 1977 г.), а рядом с проходным Уралхиммаша разместился крупный научно-производственный комплекс СвердНИИхиммаш. Опытные производства старых НИИ, исторически базировавшихся в центре города, размещаются теперь на окраинах – так возник целый научно-производственный городок в районе улицы Расточной, образованный опытными заводами институтов УНИХИМ и ВУХИН. Многоэтажными корпусами обзавелись и вузы – Уральский политехнический институт и Уральский государственный универ-

Динамика численности студентов в Свердловске (1970/1971 – 1979/1980 уч. г.)

Источники: 1) Свердловск за годы 9-й пятилетки (1973–1976). Свердловск, 1974; 2) Свердловск. 1976–1980 гг. Свердловск, 1980.

ситет. Менялась и структура расселения. Еще в середине 1950-х гг. в Свердловске строилось около 3 500 квартир в год, то уже к 1960-м гг. ежегодно сдавалось около 12 000 квартир. На протяжении 1970-х гг. обеспеченность жилой площадью выросла почти на треть: с 10,9 до 13,0 квадратных метров на человека. Выросла и этажность жилой застройки: массово появляются 9- и 12-этажные дома [27, с. 25].

В 1970-х гг. выросли новые районы Свердловска, уже не имевшие прямого отношения к крупным производствам. Главными среди них можно считать Пионерский и Юго-Западный микрорайоны. В проекте Юго-Западный микрорайон именовался Академическим. Именно здесь разместился в к. 1970-х гг. Уральский дом науки и техники. Еще юго-западнее этого района должен был разместиться городок Уральского научного центра Академии наук СССР – аналога новосибирского Академгородка – образцового интеллигентского городка Советского Союза 1960–1980-х гг. Здесь строительство велось с 1971 г. География этих районов отличалась от географии рабочих городков: здесь имелись торгово-бытовые центры, однако отсутствовали крупные дома культуры и элементы спортивной инфраструктуры, сооружение которых оставалось прерогативой заводов.

Наконец, демонстрацией потенциала Свердловска-интеллигентского стал возводившийся с 1978–1980 гг. молодежный жилой комплекс (МЖК) на востоке города. МЖК были выходом для слоя молодых специалистов, работавших в научно-технических организациях, не ведших такого интенсивного жилищного строительства, как заводы-гиганты. Основу свердловского МЖК составили молодые специалисты УПИ, Уральского научного центра АН СССР, сотрудники небольших наукоем-

ких предприятий – НПО автоматики и Свердловского завода электроавтоматики. Архитектурная среда района МЖК оказалась весьма необычной, вписанной в окружающий ландшафт [28, с. 108].

Рост численности интеллигенции в Свердловске вызывает создание музейно-культурных кластеров – разнообразие системы общественного питания, рост числа театров, строительство Исторического сквера на площадке старого завода. Трансформацию социально-экономической структуры города декларируют и составители Генерального плана развития Свердловска на 1970–1990 гг.: «Генеральный план реконструкции города предусматривает качественную переориентацию характера города в производственно-экономическом и административно-управленческом отношении. В системе высоко развитой промышленности, управления и науки возрастает относительная доля последних, предусматривается рост специального образования, развития культуры и искусств» [29, с. 87].

В защиту «огненной каторги»

Ярким примером столкновения двух типов дискурса стала история о цехе холодной прокатки (ЦХП) ВИЗа. Если с точки зрения круга творческой интеллигенции старый заводской комплекс завода является исторической и эстетической ценностью, нуждающейся в сохранении, то с точки зрения заводского коллектива самого ВИЗа это устаревшие цеха дореволюционной «огненной каторги», которые подлежат демонтажу и замене на новый, полностью автоматизированный цех. Тем не менее, осуществление нового проекта потребовало учесть и природо-защитные, и историко-культурные требования. Специально для ЦХП была спроектирована

уникальная система замкнутой циркуляции воды – решение оказалось настолько удачным, что в 1985 г. заводской директор В. С. Ожиганов даже издал книгу «Быль о чистой воде». Одновременно была выдвинута и культурная программа: старые цеха завода, историческая ценность которого была обоснована историками архитектуры, предполагалось сохранить в качестве музейного пространства, а около нового цеха на левом берегу Исети должен был возникнуть новый же культурный центр – сквер с «музеефицированным» старым зданием завода [30, с. 190].

Историческая ирония

Впрочем, крупные проекты по созданию новых публичных пространств и культурных центров Свердловска, начатые в 1960-е гг., реализовывались медленно, многие из них так и не были доведены до конца, например, высотное здание гостиницы «Турист», постройка которого была начата в 1970-х гг., но не была завершена (в XXI в. этот долгострой был завершен уже как деловой центр). Не был толком реализован и музейный центр в Историческом сквере: новое здание картинной галереи было завершено только к концу 1980-х гг. Однако осуществить социально-культурное преобразование западной части города с помощью строительства цеха-гиганта не получилось: старый ВИЗ не был трансформирован в «исторический сквер», возле ЦХП так и не появился никакой центр общественной жизни – средоточием культурной активности оставалась вплоть до 1991 г. площадь Субботников в непосредственной близости к старым, грязным цехам предприятия. Индустриальный проект не стал культурным проектом. Своего рода историческая ирония присутствует в том, что гигантский цех, который в 1970-е гг. пре-

подносился в средствах массовой информации как триумф технико-производственного прогресса, в постсоветский период воспринимается как досадная градостроительная помеха, отсекающая город от глади Верх-Исетского пруда [31]. С 1971 г. началось возведение городка Академии наук на юго-западе Свердловска, однако и здесь строительство осуществлялось невысоким темпом. В 1980-х гг. новый амбициозный руководитель УНЦ АН СССР Г. А. Месяц пытался «выбить» финансирование для того, чтобы форсировать возведение свердловского Академгородка у главы правительства Н. И. Рыжкова: «Академгородок в Свердловске строится много лет, а как быстро строился он в Новосибирске! Там все делало Министерство среднего машиностроения, т. е. атомщики. Тут, на Урале, у них огромная строительная организация. Почему бы Минсредмашу не строить нам?» [32, с. 66]. Бюджет на строительство был увеличен, однако воплотить план не удалось: плановая экономика уже распадалась, и к 1990-м гг. было построено всего четыре здания научных институтов – металлургии, геофизики, электрофизики, геологии и геохимии. Новую рыночную эру Свердловск-интеллигентский встретил недостроенным, недоосуществленным.

Фортост гласности

Свердловская интеллигенция поддержала начавшуюся при М. С. Горбачеве политику перестройки. Историк Ю. С. Кирьяков подчеркивал: «В середине 1980-х гг. понятие „Уральский университет“ приобрело не столько традиционно институциональный, сколько ментально-корпоративный характер. Инициативы, рождавшиеся в университете или в силу обстоятельств делавшие альма-матер центром событий, втягивали в данный процесс „птенцов гнезда ургушного“. На

© Фото: Владимир Казаков

Интеллигенция поддержала реформы, и города окунули в рынок.

них откликались выпускники УрГУ – преподаватели общественных кафедр других вузов, техническая интеллигенция с соседних, в том числе и оборонных, предприятий, а также, что принципиально, выпускники университета, рекрутированные в состав партийно-советской номенклатуры» [33, с. 242]. Не меньше чем УрГУ поддерживал новые веяния громадный Уральский политехнический институт – альма матер Б. Н. Ельцина. Снятие ограничений на участие интеллигенции в политической деятельности в годы перестройки привело к «взрывному росту» активности, проявившемуся, в частности, при выборах народных депутатов СССР в 1989 г. представители интеллигенции (ученые, врачи, преподаватели) составили более 70 % всех выдвинутых кандидатов в трех округах, включавших территорию Свердловска; правда, победы добиться удалось только в одном из округов [34]. Но вскоре ситуация резко изменилась: крах плановой экономики вывел на авансцену класс российских предпринимателей.

Символическая политика доминирования рабочего класса в одночасье рухнула. Уже к

середине 1990-х гг. старая система дуализма рабочих и интеллигентов канула в прошлое. Впрочем, объектам индустрии, ранее формировавшим географию города, в XXI в. предстоит новая жизнь, теперь уже, по выражению Л. Е. Петровой, в качестве «объектов культурного потребления» [35] – процесс, начавшийся, как мы видели, уже в 1960-х гг.

Назад в бизнес

На протяжении советской эпохи Свердловск оставался городом сложного баланса двух ведущих социальных групп – рабочего класса (фактически представленного партийно-хозяйственной бюрократией), трудившегося на заводах и фабриках, и интеллигенции, работавшей в научно-образовательных, медицинских, культурных учреждениях.

До конца 1950-х гг. Свердловск оставался рабочим городом (отчасти эта функция уравновешивалась функцией административного центра, предполагавшей интенсивное развитие инфраструктуры общегородского и областного использования в центральной части города), в 1930–1950-х гг. транспортную, медицинскую, культурную, торговую географию города определяло строительство рабочих городков крупнейших предприятий – районов Уралмаш, Эльмаш, ВИЗ, Химмаш, Компрессорный, Сортировочный.

С 1960-х гг. происходит социальный сдвиг – резкое увеличение численности интеллигенции, сопровождавшееся развитием «культуры места», ростом интереса к историко-краеведческой и экологической тематике. Это ведет к усложнению городской географии: появлению высотной застройки зданиями НИИ и конструкторских бюро, развитию новаторских элементов благоустройства с дополнительной историко-культурной

«стоимостью» (Исторический сквер), появлению жилых районов, не связанных напрямую с крупной индустрией (Академический, Пионерский, МЖК). Генеральный план развития Свердловска декларировал превращение города рабочих в город ученых, при сохранении важнейшей функции индустриального центра.

Вместе с тем, рабочий Свердловск продолжал доминировать:

в 1970-х гг. была осуществлена крупнейшая индустриальная стройка (ЦХП Верх-Исетского завода), организаторы которой попытались вписать развитие индустриального производства в новую интеллигентскую парадигму города. Символическая политика продолжала быть ориентированной на рабочий класс, доминировавший в литературном нарративе, системе награждений, представительстве в со-

ветских органах выборной власти (пусть и не обладавших реальной властью). Распад плановой экономики привел к тому, что обе социальные группы утратили доминирующие позиции в Свердловске, уступив свое место слою предпринимателей и профессиональных политиков, сформировавшемуся, главным образом, на базе интеллигенции и партийно-хозяйственной бюрократии. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Меерович М.Г. (2015). Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. № 2. С. 9–16.
- [2] Коган Л.Б. (2007). Урбанизация, глобализация и городская политика // Городское управление. № 12. С. 2–12.
- [3] Глазьев В.Л. (2008). Урбанистика. Ч. 1. М.: Европа. 219 с.
- [4] Пивоваров Ю.Л. (2001). Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. № 6. С. 101–113.
- [5] Сенявский А.С. (2019). Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // ВТЭ. № 2. С. 147–161.
- [6] Горбачев О.В. (2014). Региональные особенности российского градообразования // Историко-педагогические чтения. № 18-1. С. 61–71.
- [7] Дакоро М.А. (2014). Специфика советской интеллигенции // Социально-гуманитарные знания. № 7. С. 250–256.
- [8] Гудков Г.Д., Гудин Б.В. (2009). Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 299 с.
- [9] Мельникова С.В., Поршнева О.С. (2016). Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. Т. 11. № 4 (158). С. 166–172.
- [10] Харви Д. (2021). Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 576 с.
- [11] Везнер Л.Н. (2014). Структура образа города: основные теоретические подходы // Вестник экономики, права и социологии. № 4. С. 221–224.
- [12] Бурцев А.Г. (2015). История и наследие жилищного кооператива «Опытстрой» // Архитектон: Известия вузов. № 4. С. 9.
- [13] Лаппо Г.М., Полян П.М. (1999). Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. № 4. С. 35–46.
- [14] Родина. Иллюстрированная книга для чтения. М.: Молодая гвардия, 1940. 568 с.
- [15] Ефремова Е.Н. (2015). «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // Quaestio Rossica. № 4. С. 57–82.
- [16] Бекленищева М.В. (2021). Свердловская область в дипломатической истории СССР: визиты первых лиц иностранных государств в регион (1955–1965) // Historia provinciae – журнал региональной истории. Т. 5. № 2. С. 529–570.
- [17] Бушмаков А.В., Бушмакова Ю.В. (2016). Презентация города на почтовых открытках на примере Перми XX в. // Вестник ПНИПУ. Прикладная экология. Урбанистика. № 3. С. 192–208.
- [18] Дмитриева А.И. (2020). Городская среда крупного промышленного центра в фотодокументах советской эпохи // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 93–99.
- [19] Булавин В.С., Ионин Д.М., Павловский Б.В. (1983). Художники и Уралмаш. Л.: Художник РСФСР. 160 с.
- [20] Журавлева Н.И., Мельникова С.В. (2017). Екатеринбург – Свердловск: трансформация образа города // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. № 2/3. С. 66–70.
- [21] Свердловск за годы 9-й пятилетки (1971–1973). Свердловск: б. и., 1974. 57 с.
- [22] Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 765 с.
- [23] Мельникова Н.В. (2007). От УФАНа к УНЦ: предпосылки и условия развития // Историко-педагогические чтения. № 11. С. 143–150.
- [24] Яницкий О.Н. (2005). Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. № 1. С. 136–161.
- [25] Соколов С.В. (2021). Документы Свердловского отделения ВО-ОПИК как источник по интеллектуальной жизни Свердловска в 1960–1980-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 222–228.
- [26] Яницкий О.Н. (1995). Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. № 8. С. 15–25.
- [27] Лыжин С.М. (2006). Архитектура и структура жилищного фонда города (на примере городов Урала): автореферат диссертации на соискание доктора архитектуры. Москва.
- [28] Бухарова Е.А. (2018). Особенности архитектуры микрорайона МЖК в Екатеринбурге // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития. Вологда: Маркер. С. 108–109.
- [29] Алферов Н.Г., Белянкин Г.И., Козлов А.Г., Коротковский А.Э. (1980). Свердловск (строительство и архитектура). М.: Стройиздат. 160 с.
- [30] Верх-Исетский металлургический. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972. 224 с.

- [31] Фоминцева Е.А. (2009). Перепрофилирование прибрежной территории Верх-Исетского пруда в границах промышленной площадки // Архитектон: известия вузов. № 26, приложение. URL: http://archvuz.ru/2009_22/26 (дата обращения: 01.11.2021).
- [32] Урал академический: страницы летописи. Екатеринбург : УрО РАН, 2017. 224 с.
- [33] Кирьяков Ю.С. (2010). Уральский университет в общественно-политических событиях конца восьмидесятых // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (79). С. 240–248.
- [34] Емельянов Е.П. (2020). Участие представителей Свердловской интеллигенции в выборах народных депутатов СССР // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Материалы XIV Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ. С. 192–201.
- [35] Петрова Л.Е. (2021). Интеграция объектов индустриального наследия в культурное потребление россиян // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 2. С. 96–100.

WORKING OR INTELLECTUAL? MAIN SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT MODELS OF THE SOVIET SVERDLOVSK IN THE 1930–1980s

AUTHORS' INFORMATION:

Konstantin D. Bugrov

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskaya St.,
Ekaterinburg, 620108, Russia);

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
(19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)

✉ k.d.bugrov@gmail.com

KEYWORDS:

industrial city, Sverdlovsk, Ekaterinburg,
intellectual class, working class, Soviet
city, urbanization.

FUNDING:

The reported study was funded by RFBR
and the Sverdlovsk regional government
research project no. 20-49-660015 "Ekaterinburg-Sverdlovsk as the intellectual
center of Russia in the era of industrial
modernity: milestones of formation (late
XIXth – late XXth centuries)".

FOR CITATION:

Bugrov K.D. (2021). Working or intellectual? Main socio-cultural development models of the Soviet Sverdlovsk in the 1930–1980s, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 64–77.

ABSTRACT:

The problem considered in the article is the specifics of Ekaterinburg-Sverdlovsk development in the XX century, as the major economic, social and cultural center of the country. A particular task is to analyze the socio-cultural development models of Sverdlovsk as a large urban center of the Soviet era. To address the task, the social actors and institutions of Sverdlovsk of the 1930–1980s are explored, as well as the urban planning policies, the city images and the symbolic representation systems created by them.

As a result of the research, it is revealed that during the Soviet era, Sverdlovsk remained a city of the two balancing leading social groups: the working class (actually represented by the party-economic bureaucracy) and the intellectual society. Up to the 1950s large-scale industrial construction prevailed, which determined both the city geography (a conglomerate of workers' settlements around the administrative and cultural center) and the symbolic policy of the working class domination (awards, street names, literary politics, fine arts and photography). Starting from the 1960s the rapid growth of the intellectual class numbers began, which made up at least 10% of the city's population by the 1970s. The new social stratum was a kind of 'culture of the place' bearer (according to O. A. Yanitskiy) implying a greater interest in local history, environmental, and leisure issues. New city districts, not associated with industrial enterprises, emerged, the unique projects, such as the creation of the Historical Square or the Ural Scientific Center of the USSR Academy of Sciences were implemented.

However, despite the declared in the General Plan of Reconstruction and Development of Sverdlovsk for 1970–2000 transformation of the city from a working center into a center of science, culture and high-tech production, the working class retained dominating position until the end of the Soviet era, and the new construction program of a scientific and cultural profile was never implemented to the full extent. Nevertheless, today's geography of Sverdlovsk is still largely shaped by the Soviet time heritage.

REFERENCES:

- [1] Meerich M.G. (2015). Uniqueness of urbanization in the USSR, *Bulletin of TGASU*, no. 2, pp. 9–16.
- [2] Kogan L.B. (2007). Urbanization, globalization and urban politics, *City Management*, no. 12, pp. 2–12.
- [3] Glazychev V.L. (2008). Urbanism. P. 1. Moscow: Europe. 219 p.
- [4] Pivovarov Yu.L. (2001). Urbanization of Russia in the XX century: submissions and reality, *Public sciences and modernity*, no. 6, pp. 101–113.
- [5] Senyavsky A.S. (2019). The urbanization process in the USSR in the economic dimension: structural and institutional aspects, *VTE*, no. 2, pp. 147–161.
- [6] Gorbachev O.V. (2014). Regional features of Russian city formation, *Historical and pedagogical readings*, no. 18-1, pp. 61–71.
- [7] Dakoro M.A. (2014). The specificity of the Soviet intelligentsia, *Socio-humanitarian knowledge*, no. 7, pp. 250–256.
- [8] Gudkov G.D., Dubin B.V. (2009). Intelligentsia: Notes on literary and political illusions. St. Petersburg: Publishing house of Ivan Limbach. 299 p.
- [9] Melnikova S.V., Porshneva O.S. (2016). The city image and its functioning in a cultural and historical context: To the formulation of the problem (on the example of Ekaterinburg), *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3: Public sciences*, vol. 11, no. 4 (158), pp. 166–172.
- [10] Harvey D. (2021). Postmodern state. The study of the sources of cultural changes. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 576 p.
- [11] Vesner L.N. (2014). Structure of the city image: the main theoretical approaches, *Bulletin of the economy, law and sociology*, no. 4, pp. 221–224.
- [12] Burtsev A.G. (2015). History and legacy of the housing cooperative "Opytstroy", *Architecton: Proceedings of higher education*, no. 4, p. 9.
- [13] Lappo G.M., Polyan P.M. (1999). The results of urbanization in Russia by the end of the XX century, *World of Russia*, no. 4, pp. 35–46.
- [14] Motherland. Illustrated book for reading. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1940. 568 p.
- [15] Efremova E.N. (2015). "There will be a city-garden here": Utopian image of the city in the factory newspaper Uralmash, *Quaestio Rossica*, no. 4, pp. 57–82.
- [16] Beklenischeva M.V. (2021). Sverdlovsk region in the diplomatic history of the USSR: visits of the first persons of foreign states in the region (1955–1965), *Historia Provinciae – journal of regional history*, vol. 5, no. 2, pp. 529–570.
- [17] Bushmakov A.V., Bushmakova Yu.V. (2016). Presentation of the city on postcards on the example of Perm XX century, *Vestnik PNIPU. Applied ecology. Urbanism*, no. 3, pp. 192–208.
- [18] Dmitrieva A.I. (2020). Urban environment of a large industrial center in photocouples of the Soviet era, *Humanitarian sciences in Siberia*, no. 2, pp. 93–99.
- [19] Bulavin V.S., Ionin D.M., Pavlovsky B.V. (1983). Artists and Uralmash. Leningrad: Artist of RSFSR. 160 s.
- [20] Zhuravleva N.I., Melnikova S.V. (2017). Ekaterinburg – Sverdlovsk: Transformation of the city image, *Man in the world of culture. Regional cultural research*, no. 2/3, pp. 66–70.
- [21] Sverdlovsk over the years of the 9th five-year plan (1971–1973). Sverdlovsk. 1974. 57 p.
- [22] National Economy of the USSR for 70 years. Anniversary statistical yearbook. Moscow: Finance and Statistics, 1987. 765 p.
- [23] Melnikova N.V. (2007). From the Ural branch of the USSR Academy of Sciences to the Ural Scientific Center: prerequisites and development conditions, *Historical and pedagogical readings*, no. 11, pp. 143–150.
- [24] Yanitsky O.N. (2005). Ecological culture of Russia of the 20th century: sketch of sociocultural dynamics, *History and modernity*, no. 1, pp. 136–161.
- [25] Sokolov S.V. (2021). Documents of the Sverdlovsk branch of the VOOPIK as a source for the intellectual life of Sverdlovsk in the 1960–1980s. Document. Archive. History. Modernity. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, pp. 222–228.
- [26] Yanitsky O.N. (1995). Evolution of the environmental movement in modern Russia, *Sociological research*, no. 8, pp. 15–25.
- [27] Lyzhin S.M. (2006). The architecture and structure of the housing foundation of the city (on the example of the cities of the Urals): Abstract of Advanced Doctor's degree dissertation. Moscow.
- [28] Bukharova E.A. (2018). Features of the architecture of the microdistrict MZhK in Ekaterinburg, *Science today: problems and development prospects*. Vologda: Marker, pp. 108–109.
- [29] Alferov N.G., Belyankin G.I., Kozlov A.G., Korotkovsky A.E. (1980). Sverdlovsk (construction and architecture). Moscow: Stroyizdat. 160 p.
- [30] Verkh-Isetsky metallurgical. Sverdlovsk: Middle-Ural Book Publishing House, 1972. 224 p.
- [31] Fomintseva E.A. (2009). Re-profiling of the coastal area of the Verkh-Isetsky pond within the boundaries of the industrial site, *Architecton: Proceedings of higher education*, no. 26, app. URL: http://archvuz.ru/2009_22/26 (accessed 01.11.2021).
- [32] Ural Academic: Chronicles Pages. Ekaterinburg: Ural branch of RAS, 2017. 224 p.
- [33] Kiryakov Yu.S. (2010). Ural University in the socio-political events of the end of the eighties, *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 3 (79), pp. 240–248.
- [34] Emelyanov E.P. (2020). Participation of representatives of the Sverdlovsk intelligentsia in the elections of the People's Deputies of the USSR. In: Proceedings of the XIV Russian Scientific Conference "Ural industrial. Bakuninsky readings" (Ekaterinburg, November 16–17, 2020). Vol. 2. Ekaterinburg: Publishing House of UMC UPI. Pp. 192–201.
- [35] Petrova L.E. (2021). Integration of industrial heritage facilities in the cultural consumption of Russians, *Academic Bulletin of Ural-NIIproject of RAASN*, no. 2, pp. 96–100.